Данилов Е.С.

Римская и византийская разведывательные системы: терминология источников

[Stable URL: http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/1271]

[Публикация работы:]
Данилов Е.С. 2007: Римская и византийская разведывательные системы: терминология источников // Путь в науку. Вып. 11 / А.М. Селиванов (отв. ред.). Ярославль, 25-30.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

как крепкая родовая традиция стала одним из факторов, приведщих Брута к убийству Цезаря.

Таким образом, спектр суждений о Бруте в историографии – и это наглядно показывает историографический анализ, проведенный У. Ортманн, а также наше непосредственное обращение к трудам исследователей – чрезвычайно широк: от оценки Марка Юний Брута как талантливого философа и дальновидного политика до малодушного человека, прикрывающего стремление к неограниченной власти высокими идеалами.

Примечания

[1] См.: Dettenhofer M.H. Perdita Iuventus: Zwischen den Generation von Caesar und Augustus. München, 1992. P. 231.

[2] См.: Ortmann U. Cicero, Brutus und Octavian – Republicaner und Caesarianer. Bonn, 1988.

[3] См.: Dettenhofer M.H. Op. cit.

[4].См.: Burckhard L.A. The political elite of the Roman Respublic // Historia. Bd. 30. 1990. S. 79–99.

[5] См.: Clarke M. The noblest Roman. Marcus Brutus and his reputation. N.Y., 1981.

[6] См.: Dettenhofer M.H.Op. cit.

Е.С. Данилов

Римская и византийская разведывательные системы: терминология источников

Разведка на языке профессионалов – это искусство приобретения и приумножения знаний о том, что сознательно скрывается. Скрывается же обычно то, что является самым важным для выживания того или иного государства. Основные разведывательные сведения добываются агентурным путем. Именно на их основе принимается значительная часть важнейших решений на политическом уровне. Опыт работы разведок различных стран показывает, что агентура была и остается основным элементом их оперативной деятельности. Именно агенты добывают наиболее ценную информацию. И самая охраняемая тайна любой разведки – это сведения об агентах, действующих в стане противника.

В римской армии были свои разведчики и шпионы. Во времена ранней империи (I – II вв.) они выполняли различ-

ные обязанности и в соответствии с ними именовались эксплораторами и спекуляторами[1]. Слово *"explorator"* переводится как «разведчик»[2]. Именно в таком понятии оно упоминается у Цезаря (Caes. B. G. IV,4) и Веллея Патеркула (Vell. Pat. II,CXII). Эксплораторы наблюдали за передвижением вражеских групп и являлись солдатами передового отряда. До вступления армии на территорию противника они производили тщательную разведку (*exploratio*) будущего театра военных действий. Слово «*speculator*» переводится как «лазутчик». Спекулятор играл роль шпиона, входящего в свиту полководца, а также выполнял функции вестового[3]. Он выведывал стратегически важную информацию о намерениях врага. Деятельность таких лазутчиков являлась большим подспорьем в период постоянных экспансий.

Внутри самого войска имелись своего рода тайные агенты, они назывались *frumentarii* – дословно «поставщики хлеба». В легионах на них лежала обязанность заботиться о солдатском продовольствии, первоначально это был конвой, сопровождающий обозы с хлебом. Но первая обязанность сочеталась с другой – следить за солдатами и выявлять недовольных и подозрительных людей[4]. При императоре Траяне (98 – 117) фрументарии составляли особую команду, так сказать «жандармский корпус». Они являлись поставщиками информации, осуществляли аресты неблагонадежных лиц и подчинялись в этом городским префектам[5]. Начиная со II в. деятельность фрументариев стала более активной и, в конце концов, так стали называть солдат, выполнявших прежде функции спекуляторов.

Некоторые случаи из деятельности императорской разведки приводятся в «Жизнеописании Августов» ("Scriptores Historiae Augustae")[6]. Элий Спартиан пишет, что император Адриан (117–138) с помощью фрументариев следил за личной жизнью своих приближенных (SHA, Hadr., XI.4.). Со времени Септимия Севера (193–211) они стояли на холме Целий в особой казарме – *Castra Peregrina*, что значит «чужеземный лагерь». Название это объясняется тем, что фрументарии набирались из уроженцев римских провинций. Для римлян они были иностранцами[7]. Во всем полагался на своих агентов в продвижении к власти узурпатор Макрин (217 – 218) (SHA, Macr., XII.4.). Были свои доносчики и у Максимина Фракийца (235 – 238) (SHA, Macs., XV.1.). При Бальбине фрументарии упоминаются как гонцы – всадники (SHA, Max. et Balb.,

X, 1.). По мнению историка М.И. Ростовцева, фрументарии были сильным войсковым объединением и могли в любой момент вступить в бой, если преторианская гвардия попытается навязать императору свою волю или захочет сместить его[8]. Таким образом, прослеживается интересная эволюция: отряды, изначально выделявшиеся в легионах для военной разведки, постепенно превращаются в особые отряды личной охраны императора. Агенты начинают исполнять некоторые обязанности полицейских, формируя особое подразделение уголовного розыска, контролируют население, отслеживают передвижения подозрительных субъектов. Вместе с тем, по мысли Е. Серебряковой, фрументарии Древнего Рима не были тайной полицией в современном понимании. Они не составляли единую группу, управляемую одним начальником, отдающим собственные приказы. Они были солдатами, подготовленными для военной разведки, взятыми на службу центральными или провинциальными властями для особых задач, которые они могли выполнить более эффективно, чем обычный солдат регулярной армии[9].

Римская военная теория выработала важнейшие принципы организации разведывательной службы. Свое дальнейшее развитие эти принципы получили в византийских трактатах о военном деле. В «Стратегиконе» Маврикия[10] ясно указано, что до начала войны стратиг обязан собрать все возможные сведения о противнике: их внимательный анализ необходим для принятия окончательного решения относительно времени, места и условий предстоящей кампании (Strat. VII A.). Большую ценность представляли сведения, сообщаемые вражескими перебежчиками (Strat. IX,3.). Однако основная масса разведывательных данных поступала все же не от них, а от собственных разведчиков.

Во времена Маврикия (582 – 602) это уже самостоятельная служба с установленной штатной численностью (в среднем по два человека на каждую тагму), с профессиональной подготовкой, с четкими задачами (Strat. II,11). Интересен термин, которым автор обозначает разведчиков – «κατασκοπος». Среди тех качеств, которыми должны обладать катаскопы, названы трезвомыслие, бдительность, быстрота, а также хорошие внешние данные (Strat. II,11.). В трактате проводится мысль о тождестве патрульной и разведывательной служб (Strat. I,3.). Важные обязанности возлагаются на выдвинутые вперед войска, патрульные посты, которые вы-

полняют двойную функцию: с одной стороны, они ведут наблюдение за неприятельской армией, с другой – препятствуют разведывательным действиям противника (Strat. VIII, 25, 29.). Катаскопы должны были располагаться в укрытых местах, на определенных интервалах друг от друга и поддерживать между собой постоянную связь, особенно ночью, чтобы неприятель не смог воспользоваться их малочисленностью и захватить их. Патрули составлялись из легковооруженных кавалеристов, отличающихся «телесной мощью и душевной отвагой», умеющих отлично владеть оружием, чтобы с честью выходить из стычек; если же они будут захвачены, то должны внушить противнику уважение к себе. Маврикий дает понять, что выделенные в дозор воины обладали специальной подготовкой. Они могли, даже не видя неприятеля, судить о его численности по следам лошадей, по размерам лагеря; должны были уметь определить время прохождения вражеской армии через данный пункт, продолжительность ее стоянок. Задача катаскопов, кроме сбора разведывательных данных, – захват одиночных воинов противника («языков»), отражение внезапных нападений, а также поимка дезертиров и перебежчиков из собственного войска. Именно по последней причине, указывает Маврикий, месторасположение патрулей должно быть тайной не только для чужаков, но и для собственного войска.

Как полагает В.В. Кучма, «Стратегикон» Маврикия знаменует более высокую степень в развитии теории разведывательной, патрульной и караульной служб, чем это отражено в предшествующих военно-научных сочинениях[11]. Но сам термин «κατασκοπος» гораздо многограннее в своем значении. У историка Прокопия Кесарийского это слово обозначает не только военного разведчика, т.е. человка, посланного к войску противника непосредственно во время ведения боевых действий (Procop. B.P. I.4.10; I.9.12; I.17.35; II.19.27; II.25.10; II.25.15; II.30.37; B.V.I.8.17; I.8.19; I.8.21; I.17.14; I.23.5; II.13.36), но и военно-политического шпиона (Procop.H.A. 30.12–14; B.P.I.21.11–17), и даже соглядатаев, которых императрица Феодора направляла следить за своими подданными (Procop.H.A.16.14)[12].

Все действия византийцев на чужой территории облегчались наличием эффективной, широко раскинутой разведывательной сети, состоящей главным образом из торговцев и доверенных, хорошо оплачиваемых агентов, занимающих

ключевые позиции при враждебных и дружественных дворах[13]. Практика привлечения купечества и вообще лиц, связанных с денежным обращением, к выполнению задач разведывательного характера способствовала расширению значения термина – «τραπεζιτης». Первоначальное значение слова – «меняла»[14] в X в. стало означать кавалериста, используемого для диверсионных рейдов в тыл врага. Главная цель трапезитов состояла в том, чтобы наносить вред неприятельским землям и терроризировать обитавшее там население; если предоставлялась возможность, следовало захватить кого-либо из местных жителей и доставить стратигу для выяснения намерений противника и определения маршрутов его движения (De vel. bell., II.). Эта рекомендация указана в трактате «О боевом сопровождении», написанном в царствование императора Никифора Фоки (963 – 969). Несколько позже трапезиты превратились в более или менее постоянные пограничные части специального назначения; их действия дали основания к тому, чтобы термин «трапезит» в его военном значении стал почти синонимом термину «хонсарий» (χονσαριος) – «разбойник», «грабитель». Об этом свидетельствует автор трактата «Об устройстве лагеря» полководец Никифор Уран. Он подчеркнуто противопоставляет «западный» термин χωσάριοι «восточному» τραπεζίται (De castr., XVIII.)[15]. Было установлено, что слово «хонсарий» проникло в греческий из славянского и было, в свою очередь, заимствованием от готского «hansa», означавшего «воровство». Однако этот вопрос остается еще дискуссионным. Кекавмен, византийский полководец XI в., знакомит нас с еще одним термином. В его очерке «О значении разведки в военном деле» указывается отдельный вид хонсариев. Он называет их «συνοδικοι». Синодики занимались захватом и конвоированием пленных (Cecaumeni. II,9.)[16].

Таким образом, мы можем с большой долей вероятности утверждать, что разнообразие понятий, связанных с агентурными подразделениями Византии, указывают на более структурированную разведывательную систему в Восточной Римской империи, пережившей своего западного соседа на почти тысячелетие. Сама же терминология претерпела множество метаморфоз и поэтому нуждается в дальнейшем изучении специалистов.

Примечания

[1] См.: Вэрри Д. Воины античности. М.: Эксмо, 2004. С. 191.

[2] См.: Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М.: Рус. яз., 2000. С. 306.
[3] См.: Колобов А.В. Латино-русский военный словарь // www. ancientrome. ru.
[4] См.: Остапенко А.В. Тайная война в Древнем Мире. Мн.: Харвест, 2004. С. 489.
[5] См.: Сергеенко М.Е. Жизнь древнего Рима. СПб.: Летний Сад, 2000. С. 41.
[6] Пер. с лат. С.Н. Кондратьева.
[7] См.: Бансон М. Римская империя. М., 2001. С.543.
[8] См.: Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской империи. СПб., 2001. Т. 2. С. 117.
[9] См.: Серебрякова Е. Разведка древнего Рима // Независимое военное обозрение. 2003. № 30. С. 7.
[10] Пер. с греч. Х. Михаэску.
[11] См.: Кучма В.В. Военная организация Византийской империи. СПб., 2001. С. 187.
[12] Пер. с греч. А.А. Чекаловой.
[13] См.: Волковский Н.Л. История информационных войн. СПб., 2002. С. 38.
[14] См.: Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М., 1991. С. 1251.
[15] Пер. с греч. В.В. Кучмы.
[16] Пер. с греч. Г.Г. Литаврина.

К.С. Диков

Никифор Фока в оценке Льва Диакона

Никифор II Фока родился в 912 г. Он происходил из могущественного и знатного рода Фок, давшего Византийской империи нескольких крупных военачальников. Никифор с юности участвовал во многих сражениях. Он был провозглашен императором 3 июля 963 г. в военном лагере под Кесарией Каппадокийской. Важным источником по времени правления этого императора является сочинение Льва Диакона «История»[1]. Сообщаемые им сведения нередко уникальны. Из текста «Истории» ясно видно, что автор уважает Никифора и восхищается им. Но и в объективности и беспристрастности современника сомневаться не приходится, о чем свидетельствуют некоторые тексты, показывающие неприятные стороны личности Никифора.

В начале Диакон красочно и подробно описывает внешний облик Никифора: «*Цвет лица* [его] *более приближался к темному, чем к светлому; волосы густые и черные; глаза черные, озабоченные размышлением, прятались под мохнатыми бровями; нос не тонкий и не толстый; борода правильной формы, с редкой сединой по бокам. Стан у него был*